КАНДИДАТЫ.

Да чего же, скажите, нельзя употребить во зло и чего не съумѣетъ человѣкъ — или даже обстоятельства — перевернуть на изнанку? Я вамъ разскажу замѣчательный примѣръ по этому случаю, примѣръ, который не выходитъ у меня изъ головы въ-теченіе пятнадцати лѣтъ.

Что можно сказать противъ заведенія очереди при пріемѣ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія? Кто прежде записанъ, тотъ прежде и поступаетъ: этого требуетъ самая святая справедливость. Ныньче правительство отмѣнило вовсе кандидатство; но когда оно было, что же можно было въ сущности противъ него сказать? Кандидатство есть очередь по старшинству записки. Между-тѣмъ, послушайте, что изъ этого вышло.

Убогій дворянинъ, у котораго было всего-на-все пятнадцать душонокъ за душой, и который, прослуживъ

несчастливо, приживъ троихъ сыновей, состарѣлся, овдовѣлъ, жилъ съ ними въ такъ–называемой деревнѣ своей и, вмѣстѣ съ обѣднѣвшими отъ неурожаевъ крестьянами, едва только могъ питаться. Заботясь о дѣтяхъ, онъ успѣлъ воспользоваться благодѣяніемъ правительства и записалъ ихъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Повторяю, не только не могъ онъ дать имъ дома какое–нибудь образованіе, но съ трудомъ только, и то, можетъ–быть, скудно, кормилъ ихъ. Записавъ ихъ, онъ спалъ спокойно и ждалъ очереди. Пріемное испытаніе пугало его иногда; но онъ всѣми силами старался передать дѣтямъ все, что могъ, занимался съ ними самъ день–денской съ утра до вечера, и ему казалось, что они будутъ приготовлены не хуже другихъ и даже, можетъ–быть, лучше многихъ.

Старикъ все болѣе и болѣе свыкался съ мыслію, что дѣти его пристроены; живучи одинъ, безъ службы и занятій, онъ день и ночь думалъ только объ нихъ и ни о чемъ болѣе не заботился. Онъ разсчитывалъ,

когда имъ должна быть очередь къ пріему, сколько лѣтъ каждому изъ нихъ доведется пробыть въ корпусѣ, сколько рублишекъ онъ успѣетъ накопить въ это время для каждаго къ выпуску, въ какую цѣну возьметъ сукна для обмундировки, и наконецъ — какъ доживетъ, если Богъ дастъ, до того, что увидитъ дѣтей своихъ, всѣхъ трехъ, въ офицерскихъ мундирахъ, на царскомъ хлѣбѣ. Это казалось ему крайнимъ предѣломъ благополучія; другихъ желаній и молитвъ у него не было. Забота о пристройкѣ дѣтей занимаетъ всякаго порядочнаго отца; но здѣсь эта забота возрасла уже почти до нѣкотораго рода помѣшательства; по-крайней-мѣрѣ, старикъ объ одномъ только этомъ предметѣ могъ мыслить и говорить.

Сосѣдъ нашего старика, человѣкъ позажиточнѣе, также записалъ дѣтей своихъ — впрочемъ, старшихъ годами — въ одинъ изъ корпусовъ. По этому поводу, старикъ почасту ѣзжалъ къ сосѣду за справкой, не пишутъ ли чего изъ Питера, да не слыхать ли чего о томъ, скоро ли-де

наши дѣти поступаютъ на очередь. Прошло года два, и сосѣдъ все еще не могъ сказать старику ничего положительнаго, утѣшая его, однакоже, тѣмъ, что, стоя въ кандидатахъ, дѣти ихъ неминуемо будутъ приняты. Но въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, сосѣдъ встрѣчаетъ старика вѣстію, которая поразила его какъ громомъ. Меня увѣдомляютъ, сказалъ сосѣдъ, что дѣти мои исключаются изъ кандидатовъ, какъ вышедшія изъ пріемныхъ лѣтъ. Это непріятно; что я теперь стану съ ними дѣлать? Куда я ихъ дѣну? Воспитать на свой счетъ тяжело; здѣсь въ глуши даже невозможно, а жить съ ними въ городѣ — на это меня не станетъ. Да, плохо, плохо, любезный сосѣдъ; смотрите, чтобъ и съ вами не случилось того же!

Сосѣдъ могъ бы и не договаривать этого предостереженія: оно не вело ни къ чему; тутъ мѣры помощи не зависѣли отъ озабоченнаго и удрученнаго родителя, а ему было тяжело и безъ того. Старикъ сдѣлался разсѣянъ, мраченъ, задумчивъ, поводилъ глазами туда и сюда, крѣпился,

но видимо упалъ духомъ, и сосѣдъ уже не зналъ, что начать съ своимъ гостемъ. Этотъ сказалъ наконецъ, что ему какъ–то не здоровится, сѣлъ на тележку свою и поѣхалъ въ раздумьи домой.

Горькими слезами облилъ онъ на крыльцѣ троихъ дѣтей своихъ, разжалобивъ и ихъ и заставивъ рыдать въ угоду бѣднаго отца; потомъ онъ собрался съ духомъ, замолкъ и наружно нѣсколько успокоился. Но старикъ ночь не спалъ, а продумалъ до бѣла свѣта и все ничего не придумалъ. По расчету, онъ видѣлъ ясно — или напуганное воображенiе его въ томъ убѣждало — что на будущiй годъ неминуемо та же участь должна постигнуть и его дѣтей; а что тогда съ ними будетъ — этого онъ не умѣлъ себѣ объяснить. Пущу ихъ по–мiру, повторялъ онъ, пожимая плечами, вотъ все, что я могу для нихъ сдѣлать. Сошью каждому своими руками по котомкѣ — и съ Богомъ, кормитесь дѣтки, какъ птицы небесныя, и растите, какъ онѣ растутъ!

Въ тревожномъ, душевно–лихорадочномъ состоянiи провелъ онъ дня

три. Затѣмъ лицо его прояснилось; онъ обнималъ дѣтей безпрестанно съ какою–то страдальческою нѣжностью и украдкою утиралъ слезу; но въ немъ вообще появилось какое–то мужество и рѣшимость. Никто не зналъ, да и не заботился о томъ, что онъ думаетъ и гадаетъ. О голышахъ заботиться некому.

«Я малодушенъ, сказалъ онъ однажды вечеромъ самъ себѣ: рѣшился, а медлю. Чего–жъ еще ждать? Ну, если первая почта привезетъ мнѣ вѣсть, что дѣти мои исключены? Тогда гораздо–труднѣе будетъ поправить дѣло; можетъ–быть, даже будетъ поздно — а теперь, когда они еще состоятъ кандидатами, это, легко, это зависитъ отъ меня... Онъ горько улыбнулся; потомъ лицо его приняло мрачный, почти дикій видъ; потомъ онъ вспомнилъ дѣтей, которыя уже спали; мгновенно выраженіе лица его смягчилось, слеза брызнула, и онъ пошелъ за перегородку, гдѣ спали его дѣти.

Съ разсвѣтомъ въ эту же ночь, одна изъ числа пятнадцати душъ нашего бѣднаго старика, то–есть, одинъ изъ крестьянъ его,

прискакалъ на разбитой кляченкѣ къ сосѣду и со страху только разводилъ руками, хлопалъ губами и долго не могъ вымолвить ни одного слова. «Баринъ Богу душу отдалъ!» сказалъ онъ наконецъ, и смотрѣлъ какимъ–то дикимъ, будто сказалъ не то, или не такъ, или главнаго не договорилъ.

Старикъ въ эту ночь поднялъ на себя руку и лишилъ себя жизни. Этимъ средствомъ онъ надѣялся пристроить дѣтей, основываясь на благодѣтельномъ постановленіи, что *круглые сироты не держатъ пріемнаго испытанія и принимаются во всякое время безъ очереди*.

— Нехороша твоя повѣстушка, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, послѣ всеобщаго молчанія, вскочивъ съ мѣста и выколачивая трубку: — моя будетъ лучше, только–что короче воробьинаго носа; а и она также гласитъ про кандидатство. — Отецъ привозитъ сына, дождавшись благополучно очереди, и смѣло представляетъ его на пріемное испытаніе, завѣряя, что онъ самъ

не разъ прослушивалъ сына во всѣхъ наукахъ и что онъ все знаетъ твердо по программѣ. «Очень рады» отвѣчаетъ инспекторъ: «привезите сына завтра въ 9 часовъ». Сына привезли; но онъ, что говорится, въ зубъ толкнуть не умѣетъ; стоитъ, бѣднякъ, да хлопаетъ глазами, будто впервые отъ роду слышитъ то, о чемъ его спрашиваютъ. Разумѣется, что ему забрили затылокъ. Отецъ прибѣгаетъ, отчаянный, разобиженный до–нельзя: «Помилуйте» говоритъ; «что вы со мной дѣлаете? Это нападки, воля ваша, нападки... Сынъ мой знаетъ все, все, милостивый государь; я его переспросилъ и теперь опять, и сегодня еще разъ... — Позвольте, окажите правосудіе, позвольте переспросить при васъ...» Извольте, отвѣчалъ въ недоумѣніи инспекторъ, любопытствуя увидѣть, какого рода будетъ испытаніе...

Отецъ беретъ въ руки программу, содержащую въ себѣ, какъ извѣстно, подробное исчисленіе всѣхъ предметовъ, изъ коихъ воспитанникъ долженъ быть

приготовленъ; сынъ становится чинно передъ папенькой, и по слову: «ну, говори» — начинаетъ скороговоркой читать наизустъ всю программу…

Бѣдный отецъ! какъ онъ былъ разочарованъ, когда ему объяснили дѣло — и бѣдный сынъ, который убилъ нѣсколько мѣсяцевъ на то, чтобъ выдолбить или вызубрить на память претолстую печатную тетрадь, содержащую въ себѣ программу ученія.